

Дорохова Алена Сергеевна

ОППОЗИЦИЯ "ЛИЧНОЕ" – "ВСЕОБЩЕЕ" В РОМАНЕ ПАСКАЛЯ МЕРСЬЕ "НОЧНОЙ ПОЕЗД НА ЛИССАБОН"

В статье рассматривается взаимодействие категорий "личного" и "всеобщего" в романе "Ночной поезд на Лиссабон" Паскаля Мерсье. Эта оппозиция являет себя на разных уровнях произведения и соотносится с другими противопоставляемыми понятиями, такими как "реальность" – "возможность", "личность" – "история", "индивидуальное" – "типичное". Эти оппозиции лежат в основе формирования образов, раскрытия характеров героев и развития сюжета романа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 60-63. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

PROSODIC SOUND CHARACTERISTICS OF PHRASES CONTAINING IDIOMATIC EXPRESSIONS

Demonova Yuliya Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Taganrog State Pedagogical Institute named after A. P. Chekhov
demonowa.yulya@yandex.ru

The author describes the process and results of experimental-phonetic research of phrases containing phraseological units with somatism head, studies the prosodic characteristics of sentences containing idiomatic expressions in comparison with the phrases with negative non-idiomatic vocabulary, and analyzes the high-rise, tonal, configurational and tempo-rhythmic sound characteristics.

Key words and phrases: phraseological unit; somatism head; emotionally marked speech; actual articulation of phrase; configurational, high-rise and tonal sound characteristics; tempo; pausation.

УДК 820/888.09

Филологические науки

В статье рассматривается взаимодействие категорий «личного» и «всеобщего» в романе «Ночной поезд на Лиссабон» Паскаля Мерсье. Эта оппозиция являет себя на разных уровнях произведения и соотносится с другими противопоставляемыми понятиями, такими как «реальность» – «возможность», «личность» – «история», «индивидуальное» – «типичное». Эти оппозиции лежат в основе формирования образов, раскрытия характеров героев и развития сюжета романа.

Ключевые слова и фразы: историческое время; метафизическое время; оппозиция «личное» – «всеобщее»; познание себя через «другого»; эссе; эссеизация.

Дорохова Алена Сергеевна

Волгоградский государственный университет
das-das-87@mail.ru

**ОППОЗИЦИЯ «ЛИЧНОЕ» – «ВСЕОБЩЕЕ»
В РОМАНЕ ПАСКАЛЯ МЕРСЬЕ «НОЧНОЙ ПОЕЗД НА ЛИССАБОН»[©]**

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ. Проект № 13-34-01013.

В философско-интеллектуальном романе швейцарского писателя Паскаля Мерсье «Ночной поезд на Лиссабон» («Nachtzug nach Lissabon», 2004) важную роль в формировании образов героев, в развитии сюжета играют категории «личного» и «всеобщего».

Эта оппозиция многоаспектна. С одной стороны, она выявляется на разных уровнях произведения (в микросюжетах и в сюжете всего романа, в композиции, на тематическом уровне), служит для связи и противопоставления образов и идей, эссеистического и повествовательного пластов текста. С другой стороны, эта оппозиция на различных уровнях приобретает разные смыслы.

Раймунд Грегориус – преподаватель древних языков в гимназии Берна, прозванный Мундусом, – после встречи с незнакомкой из Португалии и чтения книги «Золотых слов мастера» врача Амадеу ди Праду, замороженный красотой чужого языка, отправляется в Лиссабон, где более тридцати лет назад жил Амадеу. Из бесед с людьми, знавшими Праду, из его эссе и сохранившихся писем Мундус реконструирует образ автора «Золотых слов мастера», одновременно погружаясь в собственное прошлое и переосмысливая свою жизнь. Происходит самопознание одного героя через другого – одна из общих черт произведений современной литературы, характерная и для творчества Мерсье («Lea», 2007).

Сборник эссе Праду может рассматриваться как «интеллектуальный роман в романе» [5, с. 158]. Паскаль Мерсье сам подчеркнул двуприродность «Ночного поезда на Лиссабон», где повествование от третьего лица совмещается с попыткой показать «горизонты движения сознания» [10] в жанре эссе. Эссеизация – одно из важнейших свойств прозы XX – начала XXI века («Игра в бисер» Г. Гессе, «Дон Жуан» П. Хандке [4, с. 27]). Эссеистические свойства романа Мерсье отражают эту тенденцию современной литературы и одновременно традиции эссе Мишеля де Монтеня.

Мысль эссеиста в «Золотых слов мастера» постоянно переходит от частного к общечеловеческому опыту и наоборот. От рассуждений о возможности или невозможности познать душевную жизнь личности – к собственным сомнениям. Праду спрашивает, отражают ли поступки сущность людей, или наше поведение обманчиво и скрывает не выявленные мотивы. Тут же эссеист обращается к своим ощущениям, которые переменчивы, как свет, льющийся на Тежу, и колеблются от полной уверенности в нелепости мысли «о потаенных человеческих глубинах» до убежденности, что «все человеческие деяния лишь бледное, до смешного беспомощное проявление непознанных глубин сокровенной внутренней жизни» [3, с. 26].

Амадеу затрагивает проблему индивидуального и характерного, типичного в человеке. «Всеобщее» при этом приобретает негативное значение «усредненного», «непримечательного». Личные, неповторимые свойства позволяют самостоятельно выбирать собственную судьбу. Но изначально незамутненное, индивидуальное мышление людей в ходе жизни замещается штампами. По сути, жизненный путь зачастую становится набором общих мест, что случилось с Раймундом. Его дерзкое путешествие – своеобразный вызов «обманчивой привычке» («*trügerische Gewohnheit*» [8, S. 62]). Определение «обманчивый» отражает отношение повествователя к внешней жизни, сводящейся к определенным, обобщенным правилам. Стереотипное, общепринятое поведение представляется ложным, скрывающим под стандартными действиями истинную сущность явлений. Личное, особенное в человеке недоступно восприятию и осмыслению, так как люди погружены в мир обыденного. Поступки, продиктованные душевной потребностью, вызывают непонимание, удивление; хотя, как выясняется, не только Григориус и Праду высказывают желание изменить свою жизнь, но также Силвейра, Кэги.

«Скрытая ярость» [3, с. 13] («*stille Wut*» [8, S. 19]), присутствующая в образах большинства героев «Ночного поезда», направлена против искусственности жизни. Это, с одной стороны, принадлежность каждого из персонажей (незнакомой португалки, Праду, Силвейры), с другой – общий, объединяющий их протест против действительности. Определение «*still*» имеет в данном контексте не только значение «тайный», «скрытый», но и «безмолвный». Безмолвный бунт как личное качество героев выступает одновременно всеобъемлющим. Исходя из контекста эссе Амадеу и всего романа Мерсье, именно безмолвие является первоосновой изменений в жизни человека и в мире: «Драматизм жизненно важных поворотов невероятно тих» [3, с. 40]. Это проявляется и в обращении Праду к теме языка, когда в соответствующих эссе своеобразно преломляется отношение исключительного и типичного. Герой говорит о желании заново создать португальский язык, освободить его от груза посредственности и будничности, от «шлаков бесконечного пустословия» [Там же, с. 28]. Вернуть словам их первоначальный смысл может лишь безмолвие – как исток всех размышлений отдельного человека, так и метафизическое безмолвие, исходная точка всего сущего: «Это безмолвие могло бы быть отрадой тишиной в уютной квартире или умиротворенным молчанием любящих. Но когда во мне зреет бунт против липких словесных штампов, то я не согласен на меньшее, чем холодное безмолвие космоса, в котором я – единственный, кто говорит на португальском, прокладывая свою немую орбиту» [Там же]. Мысли о метафизическом безмолвии в «Ночном поезде» перекликаются с идеями о «невыразимом» Л. Витгенштейна, утверждающего: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [2].

Поведение и мысли Амадеу – воинствующий вызов миру, протест героя против себя самого. Он противопоставлен окружающим. Столкновение нескольких «я» человека – тема, звучащая в его эссе и зеркально отражающаяся в судьбе Григориуса. Мотив отражения – традиционный для литературы и ярко являющийся себя в немецкоязычной словесности (проза Г. Гессе, М. Фриша, Д. Кельмана) – организует процесс создания образа Праду. Каждый из людей, поведавших Мундусу об Амадеу, – своего рода зеркало, отображающее определенные стороны жизни врача.

В процессе раскрытия образов героев происходит «индивидуальное преломление типичного» [5, с. 156]. Восприятие личности Амадеу его сестрами Адрианой и Ритой, учителем падре Бартоломеу, другом Хорхе, товарищем и наставником Жуаном Эсой, подругой детства Марией Жуан предельно субъективно. Эти впечатления собираются воедино Григориусом и фокусируются в обобщающем взгляде повествователя. Создается целостный, хотя внутренне противоречивый образ Праду.

Один из мотивов, организующих сюжет эссе Амадеу и всего романа, – мотив нереализованных возможностей в жизни человека. Праду вынужден считать дни, проведенные в выбранном отцом лицее, «чтобы не оказаться раздавленным под их тяжестью» [3, с. 53]. Становится врачом, хотя чувствует потребность в ином, более творческом поприще. Спасает жизнь Мендишу, несмотря на осознание, что помогает тем самым «лиссабонскому палачу» и дальше проводить политику силы. И мечтает выбрать иной путь, другое направление, продумывать каждый жизненный шаг с такой же тщательностью, с какой, по его мнению, нужно облекать мысли в слова.

«Если мы можем прожить лишь малую часть того, что в нас заложено, – что происходит с остатком?» [Там же, с. 19] – несколько раз повторяется вопрос Праду и становится центральным для его размышлений.

Мотив непережитого, упущенных возможностей, взаимодействуя с мотивом выбора жизненного пути, является одним из ключевых и в повествовании о португальском путешествии Мундуса. Григориус не становится ориенталистом, как изначально планировал, а начинает работу в родной бернской гимназии. Оппозиция «личное» – «всеобщее» соотносится с другой: «реальность» – «возможность».

Возможность, существующая в субъективном времени-пространстве героев, – то, что принадлежит только им: пусть и не осуществлено в действительности, но переживается в сознании. При этом внешняя жизнь – нечто, противостоящее миру возможностей. Реальность – достояние многих. Она заведомо обманчива, так как человек воспринимается другими поверхностно в соответствии с его внешними характеристиками, различительно отличающимися от самовосприятия. «Может быть, в действительности встречаются не люди, а тени, отбрасывающие представление о себе?» [Там же, с. 95] – спрашивает Амадеу. Пациенты и друзья видят Праду отстраненно спокойным, несколько высокомерным, преисполненным уверенности в своих силах. Но его мысли полны сомнений, терзаний. Его подчеркнута прямая походка, как объясняет герой, – своеобразный вызов болезни, согнувшей спину отца. Таким образом, возможность – существующие рядом и соприкасающиеся миры. Праду изучает свое отражение в витрине магазина [Там же, с. 77] и тем самым показывает различие между «я» истинным – сокровенным, незримым для окружающих, и «я» ложным – принадлежащим внешнему миру, трактуемым с позиций общества.

И в повествовании о путешествии Грегориуса, и в эссе Праду звучит мысль о незнании не только «другого», но и себя самого. Человек боится встретиться с собой. Письма Амадеу, также как поездка Раймунда, – путь к самим себе. Через «всеобщее» они ведут поиск закономерностей собственного существования, диалог с собой.

Соотношение «личного» и «всеобщего» проявляется в категории художественного времени романа. Субъективное время персонажей, во-первых, соприкасается с физическим временем, организующим движение окружающей жизни; во-вторых, взаимодействует с историческим прошлым. В образе Амадеу, Жуана Эсы обнаруживается причастность конкретной личности к историческим событиям. Хотя «Мерсье далек от художественной социологизации и политизации» [5, с. 156], речь идет о сорокалетней диктатуре в Португалии (1928-1968) и правлении Антониу Салазара, проводившего «жестокую политику террора и репрессий в метрополии и колониях» [6, с. 129], – времени, когда стремление к личной свободе, протест против типичного встречали дополнительные препоны в виде политической обстановки. К тому же периоду относится действие Сопrotивления, в состав которого входит и Праду. Это обстоятельство демонстрирует тесную связь личного, идущего изнутри протеста и всеобщей истории. Амадеу присоединяется к Сопrotивлению не только из-за политических воззрений, но вследствие душевных противоречий, связанных и с желанием вернуть доверие жителей после спасения им сотрудника тайной полиции, и с противлением воле отца – городского судьи. Одновременно Праду пытается искупить вину перед собой, так как чувствует необходимость изменить свою жизнь.

Жуан Эса, также состоявший в рядах Сопrotивления, живет в прошлом. Исторические события оставили неизгладимый след и в его душе, и на искалеченных пытками руках. Его мысли неразрывно связаны со временем борьбы с деспотией и последующим тюремным заключением. Взаимодействует частная и общая правда истории. Первая связана с конкретными людьми, их не только общественными, но и личными стремлениями. Правда, принадлежащая массе, – абстрактная, дающая отвлеченное представление об истории. Эса – живое напоминание о периоде жесткой диктатуры и в то же время его порождение. Нелегкий характер и бесстрашная натура Жуана, о которых говорит его племянница Мариана, формировались под влиянием определенной жизненной, в частности, исторической обстановки. Личные стремления вплетаются в исторический процесс. Внутренняя сила одного человека иногда становится мощнее режима. «Его твердый взгляд прожег раскаленный металл» [3, с. 92], заставил отступить палачей, подвергнувших Жуана пыткам в концлагере Таррафал. История приобретает для Грегориуса, общающегося с Эсой, конкретные очертания.

«Одна жизнь за спасение многих» [Там же, с. 159] – проблема, возникающая в жизни Праду в отношении как Мендиша, так и Эстефании Эспинозы. Оправдывает ли стремление к благополучию многих согласие на единичную жертву? На этот вопрос не дается однозначного ответа, но в обоих случаях Амадеу делает выбор в пользу личности, а не в пользу ожиданий общества. Даже в погибающем враге, как после размышляет Грегориус, Праду видел «лишь конкретного человека» [Там же, с. 195], краткость жизни которого представляется не менее значительной, чем бесконечность физического времени и горизонты истории. Душа человека противостоит вечности, теряет для нее первоначальную ценность, ведь «миллион упущенных возможностей перед лицом вечности ничто» [Там же, с. 169], в то время как для отдельной личности каждый шаг важен. При этом конкретная судьба обретает одно из свойств бесконечности – принципиальную незавершенность, невозможность «полноты воплощения» [Там же, с. 203]. С позиции настоящего невозможно осмыслить свою судьбу, так как будущее не подвластно взору: «"Будет" лишено той материальности и плотности, той реальной весомости, которая присуща "есть" и "было"» [1, с. 297-298]. «Мы не можем обзреть нашу жизнь» [3, с. 47], – говорит Силвейра. Эта неспособность равносильна страху смерти Хорхе, осознавшему, что мечта научиться играть на рояле никогда не осуществится.

Взаимодействие частного и общего проявляется в композиции, поэтике заглавия частей. К примеру, первая часть под названием «Поворот» показывает резкое изменение жизни Грегориуса. В его судьбе действительно произошло нечто подобное повороту. В контексте романа понятие «поворота» приобретает объем, соотносится с масштабной метафорой ночного поезда [7] и железной дороги как множества возможностей и выбора человеком жизненного пути.

В конце романа Грегориус возвращается обратно в Берн, откуда больше месяца назад сбежал в Португалию. Жизнь продолжает свое движение и после того, как герой исчезает за дверью клиники, словно не было путешествия в Лиссабон. В общем течение жизни резкий «поворот» в судьбе одной личности не вносит заметных изменений. Путь каждого человека, как и поездка Грегориуса, абсолютная случайность. Как и встреча с португалкой на мосту Кирхенфельдбрюке; попавшийся на глаза томик эссе Праду в книжной лавке; разбитые очки, благодаря которым Раймунд встретился с Жуаном Эсой. Случайность входит в разряд исключительного, неповторимого, и именно она задает направление движения судьбы человека. Случай включен в глобальные жизненные закономерности, подобно тому, как многочисленные исключения действуют в системе того или иного языка.

Для самого Мундуса путешествие в Лиссабон не проходит бесследно. Его понимание жизни, самоощущение меняются. Критик и литературовед Гюнтер Никель в рецензии на «Ночной поезд» справедливо отмечает, что пяти недель, проведенных Грегориусом на родине Амадеу, хватило Раймунду, чтобы и самому стать другим [9, S. 4]. Но, как и в случае с Праду, текст которого вызвал цепь событий в жизни Мундуса, путешествие преподавателя гимназии затрагивает судьбы других героев. Силвейра вчитывается в строки высокородного португальца, как прежде Грегориус; Адриана начинает принимать настоящее, а не существовать в давно минувшем времени.

За единичными судьбами, показанными в «Ночном поезде», в первую очередь Праду и Грегориуса, стоит обобщенный, концептуальный образ личности, сочетающей в себе исключительное и типичное, внутренне противоречивой, незавершенной в своих неисчерпанных возможностях, включенной во время человеческой истории, в метафизическое время вечности и одновременно сосредоточенной на своей внутренней жизни.

Оппозиция «личное» – «всеобщее» в разных аспектах соотносится с другими противопоставлениями: «истинное» – «ложное», когда речь идет о внутреннем и внешнем в человеке; «индивидуальное» – «типичное», если касаться формирования характеров; «случайность» – «закономерность» (силы, направляющие течение жизни на микро- и макроуровне); «личность» – «история». Объединяющим принципом остается взаимодействие этих начал по типу противопоставления и взаимовлияния.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат [Электронный ресурс] / пер. И. Добронравова, Д. Лахути // Philosophy.ru. Философский портал. URL: philosophy.ru/library/witt/01/01.html (дата обращения: 30.03.2013).
3. Мерсье П. Ночной поезд на Лиссабон / пер. с нем. Л. Д. Ведерниковой. М.: Мир книги, 2008. 432 с.
4. Пестерев В. А. «Дон Жуан» Петера Хандке – поэтический роман-эссе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. № 3. С. 27-37.
5. Пестерев В. А. Интеллектуализм романа Паскаля Мерсье «Ночной поезд на Лиссабон» (к проблеме культурных кодов) // Русская германистика. Ежегодник Российского Союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2011. Том VIII. С. 155-164.
6. Хазанов А. М. Салазар: 40 лет диктатуры в Португалии // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 129-146.
7. Böhmer O. A. Geheimnisse der Nacht [Электронный ресурс] // Die Zeit online. 2004. November 25. URL: http://www.zeit.de/2004/49/L-Mercier?page=all (дата обращения: 7.01.2012).
8. Mersier P. Nachtzug nach Lissabon. München Wien: Albrecht Knaus Verlag, 2004. 496 S.
9. Nickel G. Es könnte auch anders sein // Die Welt. 28.08.2004.
10. Seppelfricke O. Ein Roman als Philosophie [Электронный ресурс] // Deutschlandradio. 2005. Januar 12. URL: http://www.dradio.de/dlf/sendungen/buechermarkt/339263/ (дата обращения: 10.12.2011).

**OPPOSITION “PERSONAL” – “UNIVERSAL”
IN NOVEL “NIGHT TRAIN TO LISBON” BY PASCAL MERCIER**

Dorokhova Alena Sergeevna
Volgograd State University
das-das-87@mail.ru

The author considers the interaction of the categories “personal” and “universal” in the novel “Night Train to Lisbon” by Pascal Mercier. This opposition manifests itself at different levels of the work and is related to other opposable notions such as “reality” – “opportunity”, “personality” – “history”, “individual” – “typical”. These oppositions are the basis of images formation, the revelation of heroes’ tempers and the development of the novel plot.

Key words and phrases: historical time; metaphysical time; opposition “private” – “universal”; self-cognition through the “other”; essay; essaization.

УДК 81'33

Филологические науки

В статье представлены результаты экспериментального исследования взаимодействия невербальных средств, функционирующих в речи на уровне просодического ядра, рассмотрены русские, английские, китайские особенности сочетания просодических средств с кинесическими, визуальными, тактильными, проксемными, определены национальные приоритетные невербальные средства и способы выделения просодического ядра, сделаны выводы влияния гендерного типа лингвокультуры на способ выделения просодического ядра.

Ключевые слова и фразы: просодическое ядро; просодия; кинесические, визуальные, тактильные, проксемные средства; гендерный тип лингвокультуры; маскулинные, фемининные ценности.

Дутова Наталья Валерьевна

Забайкальский государственный университет
dutova_natalya@mail.ru

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОМПЛЕКСНОГО ВЫДЕЛЕНИЯ
ПРОСОДИЧЕСКОГО ЯДРА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ[©]**

Настоящее исследование посвящено гендерному аспекту невербального коммуникативного поведения в межкультурной коммуникации. Внимание сфокусировано на изучении лингвокультурных особенностей взаимодействия невербальных средств, функционирующих в естественной речи на уровне просодического